

ГЛАВА I

НАЧАЛО

В большой комнате на четвертом этаже с двумя окнами и балконом, выходящими на набережную Фонтанки, за круглым столом сидели двое. Первый — темноволосый мужчина средних лет с резкими чертами лица и серыми глазами. Одет он был во все черное: черная рубашка, манжеты держали серебряные запонки с блестящими черными камнями, и черные брюки. Вторая — женщина весьма преклонных лет в длинном платье глубокого зеленого оттенка. Седые волосы собраны черным гребнем с ярко-алыми камнями. Ее глаза уже порядком выцвели, но в них читался живой ум. Звеня браслетами, женщина тасовала карты Таро.

На столе стоял чайник и только одна чайная пара. Из кружки уютно поднимался пар. С почти девичьим изяществом женщина приподняла хрупкую чашечку, сделала глоток и посмотрела на мужчину, сидящего напротив. Серые глаза встретились с прозрачными голубо-зелеными.

— Вот уж не думала, Константин, что ты пожалуйешь ко мне с таким запросом.

Мужчина пожал плечами.

— Твои силы я чувствую. Европейские же ведьмы давно прошли этап расцвета и находятся в затяжном упадке. Они разучились читать знаки и предсказывать. Ослабели. Пожалуй, из ныне живущих я знаю только двух, кто все еще способен творить настоящую магию. Ты, Мария, одна из них.

— Европейские ведьмы сделали ставку на жертвенность и высших существ. Мышцы атрофируются, если ими не пользоваться. Так и магия в их крови слабела. Зачем напрягаться, когда за тебя творят высшие сущности... — Женщина замолчала, словно задумавшись о чем-то, и снова принялась тасовать карты. — Так зачем ты ко мне пришел? Попытайся обозначить конкретнее желаемое.

— Я... — Голос у Константина дрогнул, и он отвернулся. Его взгляд был направлен в сторону окна, но чутье подсказывало старой ведьме, что он там ничего не видит. Молчание затянулось на несколько минут. — Я не знаю, зачем живу. Я просто существую. С тем же результатом могу проспать пару столетий или... умереть. Перед тем как сделать что-то радикальное, я хотел бы понять...

Мария отложила колоду. И взяла небольшой мешочек из зеленого бархата. Звон браслетов смешался со звоном камешков в мешочке. Она задумчиво достала три лунных камня. На каждом были нарисованы золотистые символы, и ни на одном они не повторялись.

— Твое время еще не пришло. Но я вижу огромную радость. А еще множество проблем.

Константин недоверчиво изогнул правую бровь. Мария встретила его взгляд и вытащила еще один камешек. Лунные камни тускло переливались в свете электрической лампы над столом.

Мария задумчиво посмотрела на комбинацию, сложила камешки обратно в мешочек. Затем взяла колоду и протянула Константину, чтобы тот снял карты. Выложила узор из карт, тихо ахнула и собрала их. Снова проделала те же операции и застыла.

Константин терпеливо ждал. Послышалось, как скрипнула входная дверь и раздались чьи-то легкие шаги. Уже через минуту дверь в комнату открылась и звонкий голос произнес:

— Бабуль, это я. — Голос принадлежал молодой девушке, одетой в зеленое платье ниже колен. Ее темные волосы были собраны в косу вокруг головы. Глаза были такого же голубо-зеленого оттенка, как у бабушки, но гораздо ярче. — Представляешь, на танцах... — Увидев незнакомого мужчину, девушка осеклась. Мария встретилась с ней взглядом, тепло улыбнулась и ответила:

— Арья, у меня сейчас гость. Иди к себе в комнату. Я освобожусь, и ты мне все расскажешь. — Девушка кивнула и нырнула обратно, мягко затворив дверь.

Мария покачала головой и сказала:

— Не думала я, что так окажутся связаны наши судьбы, Константин.

Мужчина неопределенно пожал плечами. Мария избегала встречаться с ним взглядом и смотрела лишь на зеленую скатерть, на которой был выложен узор из карт.

— Я вижу, что ты встретишь женщину, ради которой будешь готов пожертвовать своей жизнью и жизнью своих родных.

Константин рассмеялся. Его бархатный смех эхом раскатился по комнате:

— Мария, я прожил столько жизней, что уже устал считать. Я любил, ревновал, использовал в своих целях

самых разных женщин. Но ни разу я не был готов поставить жизнь семьи ниже жизни женщины. Ни разу мне не хотелось остаться с этими женщинами навсегда.

Мария грустно улыбнулась:

— Ты пришел ко мне за ответами. Я вижу, что скоро твоя жизнь круто изменится. Я хочу попросить тебя... — Мария сделала паузу и пристально посмотрела на собеседника. — Береги ту женщину. За ней будут охотиться многие существа как из нашего мира, так и за завесой. И ради нее ты нарушишь запрет чистоты брака.

Константин встал и отошел к окну:

— Не могу в это поверить, — немного помолчав, сказал он.

— Я тоже, Константин. Ведь эта женщина — моя внучка. — И Мария смешала карты.

Константин повернулся, поймал ее взгляд, долго всматривался и, будто что-то прочитав, мгновенно исчез из комнаты. Двигался он гораздо быстрее обычного человека, и Мария, не успев ничего заметить, услышала только треск комнатной двери, которая не выдержала яростного удара и вылетела из петель.

— Бабуль, все в порядке? — донеслось из глубины квартиры.

Мария громко ответила:

— Да, не волнуйся! — И продолжила сидеть за столом. Сидела долго. Смотрела в окно, нервно постукивая пальцами по столу. Затем покачала головой, словно отвечая своим мыслям, схватила мешочек с рунами и вытащила одну.

Она так вцепилась глазами в камешек, будто желала изменить изображенный символ. Но все осталось неизменным. Часы тихо пробили десять вечера.

— Ну, нет так нет, — пробормотала женщина себе под нос. Оставила карты и руны как есть и пошла за сломанную дверь, к внучке.

На следующий день утром она провожала внучку на работу:

— Дорогая, отдай этот конверт на стойке регистрации отеля «Англетер». Скажи, что для постояльца номера восемьдесят восемь от Марии.

Внучка впрыгнула в туфли, накинула пальто на плечи — стоял конец апреля — и забрала конверт из рук бабушки.

— А кто вчера был? — спросила она, снимая с крючка ключи и резко дергая молнию на сумке. — Не похож на обычных твоих гостей. Да и гадать для всех ты давно перестала.

Мария смотрела на внучку: из-под полы пальто выглядывало все то же платье насыщенного зеленого цвета. Щеки разрумянились от сборов и утреннего чая, прядь выбилась из косы. Они стояли в типичном длинном коридоре четырехкомнатной коммуналки, которую Мария чудом (а им ли?) сохранила в своей собственности после революции.

— Это был старый знакомый. Мы давно не виделись, и он попросил меня погадать... — Мария вздохнула, протянула руку и распахнула дверь перед Арьей. — Беги, а то опоздаешь. Ильинична опять мне позвонит, жаловаться будет.

Арья звонко чмокнула ее в щеку и побежала по лестнице. Мария долго не закрывала дверь, слушала, как стучат по плитке парадной каблучки. После громкого хлопка входной двери она, будто очнувшись от задумчивости, закрыла дверь в квартиру.

Тяжело ступая, она медленно вернулась в свою комнату. Ярко светило солнце, и на фоне прямоугольного окна черным пятном виднелся мужчина.

Мария без удивления взглянула на гостя и проворчала:

— Двери, конечно, не для твоего величества сделаны. Ты лучше по стенке запрыгнешь среди бела дня.

Мужчина улыбнулся: его резкие черты лица смягчились, серые глаза на мгновение перестали быть жесткими и холодными.

— Я просто хотел увидеть тебя без лишних свидетелей. — Мужчина, казалось, пытался поймать взгляд Марии, но она притворилась, что ей необходимо смотреть под ноги, когда она идет к своему любимому креслу.

— Времена, когда эти слова заставили бы меня покраснеть, давно прошли. — Мария со вздохом опустилась в кресло.

— Не думаю, что моя двусмысленность заставила бы тебя покраснеть и в молодости. — Константин развернулся и, казалось, одним движением преодолел расстояние от окна до второго кресла. — Я починил дверь, — кивнул он, располагая свое кресло подальше от солнечных лучей.

Мария ничего не ответила, а лишь задумчиво посмотрела на его работу: дверь из темного дерева с ветвистыми узорами выглядела вполне себе целой.

Мужчина застыл в кресле напротив нее. Ему удивительно шло находиться в ее старенькой квартире времен императорской России. Он был одет в те же вещи, что и вчера, но рядом с ножкой кресла Мария увидела черный кожаный саквояж.

— Ты разве не должен быть в больнице? — спросила она гостя, оттягивая серьезный разговор.

Константин пожал плечами и снова попытался встретиться с ней взглядом. Через минуту, смирившись, он произнес:

— Сказал, что простудился.

Мария каркаяще рассмеялась, раскинув руки. Эхом ее смеха откликнулись браслеты на руках. Дальше тянуть не было смысла. Она вздохнула и начала говорить, по-прежнему избегая его взгляда.

Константин застыл в кресле. Его интерес выдавал только судорожный блеск в серых глазах.

Мария говорила долго, медленно подбирая слова, подкрепляя их звоном серебряных браслетов. Перебирала бахромю алой скатерти, ища формулировки. И закончила так:

— Я умру до начала мая. Моя магия исчезнет. Все, что укрывало нас от пристального внимания, уйдет вместе со мной. Но напоследок я сделаю необратимое заклинание: сотру все упоминания о ней из документов, памяти людей. Она станет никем. Только в твоей памяти останется. — Ведьма грустно посмотрела на черно-белую фотографию в рамке на старинном комод: там были изображены три женщины. В одной из них угадывалась Мария, но гораздо моложе, другая была совсем молоденькой, а третья была маленькой девочкой лет четырех. Где-то в глубине квартиры гулким звоном старинных часов пробило половину девятого.

Мария собрала оставленные вчера руны и карты, положила их в центр стола, на скатерти. Константин молчал. Она не ждала ответа. Мария знала Константина в молодости. С тех пор он не изменился: те же морщины около рта — свидетельство частого скептического настроения, седых прядей на его голове осталось

столько же, хотя прошла вся ее жизнь, превратившая когда-то молодое тело в тело старухи.

Она расправила плечи, собираясь пойти на кухню, чтобы сделать себе чай. Константин знаком ее остановил и мгновенно скрылся из комнаты. Через пять минут перед Марией стояла дымящаяся чашка любимого смородинового отвара. Чай издавал густой терпкий запах, и она довольно зажмурилась.

Вампир снова сидел напротив, залитый ярким солнцем, лучи которого тонули в темной глубине его облика. «Весна в этом году чуждая», — внезапно с нежностью подумала Мария.

Она не хотела первой нарушать это тягучее, как сироп шиповника, молчание. Настраивалась на Константина, переводила на свой язык его невербальные жесты, чтобы потом воспроизвести их для своих целей. Она не будет стирать воспоминания навечно. Так, прикроет внучку от всеобщего внимания. Но ему это знать необязательно...

Наконец, Константин, видимо, устал от попыток поймать ее взгляд и нетерпеливо выдохнул:

— Твое видение — это, безусловно, прекрасно. Но я не представляю, что должно случиться в моей голове, чтобы я хотя бы, — тут его губы иронически дрогнули, — заинтересовался твоей внучкой. Не пойми меня неправильно. Я уже несколько сотен лет не интересуюсь женщинами не своего рода.

Мария отхлебнула отвара и молча посмотрела в серые насмешливые глаза. «Я бы очень хотела ошибиться, Константин. Любить вампира, будучи ведьмой! Да сам факт заставит Совет убить нарушительницу. А если соединить с историей моей семьи, то с таким существованием тюремное заключение покажется отдыхом». Она отвела взгляд. Вслух же она сказала:

— Тайны человеческой души велики, а любовь — самая недоступная из этих тайн.

Вампир хмыкнул и ответил:

— Любовь сильно переоценена человечеством. — Он поднялся с кресла и поставил его на место — солнечный пяточок наискосок от окна. — Мне пора. Спасибо тебе. Давно мне не было настолько интересно. Моя работа здесь подойдет к концу в середине мая. Я зайду попрощаться.

— Если мы еще встретимся, это будет большой радостью для меня, — откликнулась Мария. — Обещаю тебе, если я окажусь права, ты ее защитишь.

Вампир молчал. Мария продолжила:

— Твоей семье придется несладко, если она попадет в руки...

— Шантаж — не твоя сильная сторона. Попытка была бы неплохой, будь здесь мой сын. — Он помедлил. — Когда ты умрешь, я помогу твоей внучке. Как благодарность за твою помощь с Генрихом. После моего отъезда за вами будет приглядывать мой поверенный.

Мария наклонила голову в знак благодарности. Константин в ответ сделал полупоклон и вышел. Входная дверь хлопнула и защелкнулась.

Женщина снова осталась одна. Она прошла в соседнюю комнату — это была ее спальня. Ярко-алый текстиль, розы в вазе у прикроватной тумбы, распахнутый шкаф. Губы тронула улыбка: ее любимая комната. Ее неприступная крепость. Она подошла к шкафу, легко провела ладонью по висящим на вешалке платьям.

Пришло время надеть белое.

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

